

Маркер репортатива и цитации в атаяльском языке: проблема источника

© 2019

Ирина Михайловна Горбунова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
ABBY Production, Москва, Россия; kmar63@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции цитации, комплементации и репортатива с маркером *mha* в трех вариантах атаяльского языка, а также другие употребления этого маркера. В каждой конструкции, содержащей *mha*, дается оценка морфосинтаксического статуса этой лексемы и степени ее грамматикализации. Цель данной работы — показать, что предложенный Л. Хуан анализ пути грамматикализации данного показателя, предполагающий развитие из глагола речи через маркер цитации и комплементации в показатель репортатива, не вполне адекватен. Представленные в работе данные говорят о том, что, возможно, *mha* никогда не являлся глаголом речи, а относился (и относится) к т.н. глаголам «общего действия». Развитие такого рода глаголов в показателе цитации зафиксировано, например, в африканских языках.

Ключевые слова: австронезийские языки, атаяльский язык, грамматикализация, чужая речь, эвиденциальность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №16-06-00226

Для цитирования: Горбунова И. М. Маркер репортатива и цитации в атаяльском языке: проблема источника. *Вопросы языкознания*, 2019, 4: 85–105.

DOI: 10.31857/S0373658X0005708-7

Reportative and quotative marker in Atayal: The problem of source

Irina M. Gorbunova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
ABBY Production, Moscow, Russia; kmar63@gmail.com

Abstract: The quotative index *mha* in Atayal has been analyzed by L. Huang as a grammaticalized speech verb. The typologically trivial path proposed for this grammaticalization process, however, seems to be inconsistent with Atayal data presented in this paper. There is evidence for *mha* being a predicate of generalized action and probably never having been a proper speech verb. Predicates of such generalized semantics also tend to evolve into quotative indexes, as can be seen in some African languages.

Keywords: Atayal, Austronesian, evidentiality, grammaticalization, reported speech

Acknowledgements: This is a part of a bigger project funded by RFBR grant No. 16-06-00226.

For citation: Gorbunova I. M. Reportative and quotative marker in Atayal: The problem of source. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 4: 85–105.

DOI: 10.31857/S0373658X0005708-7

1. Цитация и репортатив

В настоящей статье речь пойдет о двух диахронически связанных типах конструкций. Первый тип чаще всего называют конструкцией цитации (см., например, [Подлеская

2018], а также обсуждаемые в указанной статье источники), «конструкцией передачи речи» (reported speech) или «передачи дискурса» (reported discourse, также сокращенно RD, см. [Güldemann 2008: 3–15]). Несмотря на то, что мы будем использовать более удобный термин «цитация», в определении этого явления мы будем опираться на [Güldemann 2008: 6]: под цитацией (в широком смысле слова) мы будем иметь в виду «представление речевого или ментального текста, от которого передающий сообщение (reporter) дистанцируется, указывая, что этот текст произведен источником сознания в прагматическом и дейктическом контексте, отличном от соответствующего контекста непосредственного дискурса»¹. Тем самым, главным предикатом авторской ремарки может быть не только глагол речи, но и глагол восприятия, мышления и т. п., а субъектом (т. е. автором передаваемого дискурса) может быть не только человек. Так, конструкцией цитации будут в равной степени считаться как пример (1), где главный предикат авторской ремарки — глагол речи, а его субъект — человек, так и пример (2), где ситуации речевого акта как такового в авторской ремарке нет.

(1) *John said that {Mary would come}*².

(2) *My dog knew that {there was someone there}*.

В отечественном языкознании подтипы конструкции цитации традиционно называют прямой и косвенной речью (дальнейшие тонкости внутри этого континуума, такие как, скажем, полупрямая речь, нас в данном случае не интересуют). Однако, чтобы не использовать несколько неудачное слово «речь» применительно к конструкциям, которые не всегда связаны собственно с ситуацией речепроизводства, мы будем говорить о прямой цитации (или, упрощенно, собственно «цитации») и конструкции с сентенциальным компонентом (или, для простоты, «комплементации»³). При прямой цитации передаваемый фрагмент дискурса ведет себя как самостоятельное высказывание, а потому обладает двумя важными свойствами. Во-первых, дейктические элементы в передаваемом дискурсе ориентированы на автора передаваемого дискурса (чаще всего это субъект при матричном предикате). Во-вторых, сам передаваемый дискурс может обладать признаками главного предложения: здесь допустимы вопросы, императивы и пр. Конструкция комплементации ведет себя как единая иллокуция, поэтому явления главного предложения во вложенной клаузе в рамках такой конструкции оказываются недопустимы, а дейктические элементы всегда ориентированы на говорящего (передающего чужой дискурс).

Конструкции цитации и комплементации связаны диахронически. Так, [Saxena 1988] и [Ebert 1995] постулируют расширение функций маркера цитации в сторону комплементайзера, а затем до функций маркера целевого, причинного и сравнительного придаточного. В (3) схематично представлена гипотеза о развитии маркеров цитации в соответствии с [Saxena 1988]:

(3) показатель цитации → показатель комплементации → целевой союз → причинный союз → маркер вопросительного слова → маркер комплементации при вложенном вопросе → условный союз → маркер сравнения

Заметим, что данный путь выстраивает разные функции маркеров, восходящих к глаголу речи, в диахронически упорядоченную цепочку, где каждая следующая функция может развиваться только после того, как были развиты все предыдущие функции.

¹ “Reported discourse is the representation of a spoken or mental text from which the reporter distances him-/herself by indicating that it is produced by a source of consciousness in a pragmatic and deictic setting that is different from that of the immediate discourse.”

² Здесь и далее фигурными скобками в примерах обозначаются границы передаваемого дискурса (маркеры цитации в него не входят).

³ Термин «комплементация» в отечественном языкознании не прижился (за редким исключением, вроде работы [Клепикова 2011]), хотя именно “complementation” используется в англоязычной литературе для конструкций с сентенциальным компонентом. В дальнейшем тексте термин «комплементация» будет использоваться для простоты.

Еще одна конструкция, которая бывает диахронически связана с конструкцией цитации, — это конструкция репортатива. Здесь и далее репортативом мы называем граммему эвиденциальности, ядерная функция которой — указание на то, что информация известна с чьих-то слов (в соответствии с определением *reported evidential* в [Aikhenvald 2006: 324]). Для настоящей статьи не релевантно более тонкое различие источника информации внутри репортатива: то, что А. Айхенвальд называет *reported* (собственно репортатив, источник пересказываемой информации не уточняется и нерелевантен), *quotative* (квотатив, есть конкретный источник информации), а также *secondhand* и *thirdhand information*, см. [Aikhenvald 2004: 176–179].

На диахроническую связь репортатива (концепт EVIDENTIAL) с глаголами речи указывают Б. Хайне и Т. Кутева [Heine, Kuteva 2002]: в «Лексиконе...» глаголы речи — единственный зафиксированный источник для репортатива. Кроме того, на диахроническую связь цитации, комплементации и репортативной эвиденциальности указывает А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004: 271–275], причем репортативная конструкция может быть результатом переосмысления полипредикативной конструкции цитации — либо через потерю союза, либо через опущение главной клаузы с последующим «расподчинением» цитации⁴.

Наконец, Т. Гюльдеман [Güldemann 2008] приводит обобщенный список из более чем десятка функций, входящих в т. н. «расширенный квотативный комплекс», т. е. таких, которые, по данным разных авторов, могут приобретать маркеры цитационных конструкций, — и среди этих функций, естественно, зафиксирована функция маркера репортатива.

Таким образом, диахроническую связь между глаголами речи и конструкциями цитации, комплементации и репортатива можно схематично изобразить следующим образом:

(4) ‘говорить’ → цитация → (комплементация →) репортатив

Именно такой путь представлен для атайяльского *mha* в работах Л. Хуан. Согласно [Huang 2008; 2015], показатель *mha* на синхронном уровне языка существует в трех формах: полноценный глагол, союз и частица. Эти три формы, по мнению Л. Хуан, отражают четыре последовательные стадии грамматикализации — от глагола речи до маркера репортатива, через показатель цитации и сентенциального подчинения. По ее гипотезе, на первой стадии *mha* является глаголом, см. (5). В дальнейшем он теряет глагольные свойства, становясь союзом и маркируя границу прямой речи и слов автора — вне зависимости от относительного порядка этих двух частей цитационной конструкции, см. (6)–(7). В дальнейшем дистрибуция этого показателя расширяется; он начинает употребляться не только с глаголами речи, но и с глаголами, обозначающими, например, мыслительный процесс (8), что, по мнению Л. Хуан, предполагает переход от конструкции цитации к конструкции комплементации. Наконец, на четвертой стадии союз постепенно меняет свои синтаксические свойства, становясь фразовой частицей, и начинает функционировать как показатель репортатива, см. (9)⁵.

(5) {*hbaq-i*   *nanaq*}   *mha*   *yaya*’=*mu*
 мыть-LF.IMP   сам   АФ.сказать   мама=1SG.OBL
 ‘«Помой их сам», — сказала моя мама’.

(6) {*laxi*   Ø-*usa*’   *m-quiriq*}   *mha*   *k(m)ayal*   *qu*’   *bnkis*
 NEG   АФ.CNG-идти   АФ-воровать   АФ.говорить   <АФ>говорить   NOM   старик
 ‘«Не ходи воровать!» — сказал старик’.

⁴ Англ. *insubordination*, английский термин введен Н. Эвансом [Evans 2007], русский предложен Н. Р. Добрушиной [Добрушина 2012].

⁵ Примеры (5)–(9) взяты из [Huang 2015]. Орфография источника сохранена, русский перевод сделан с английского перевода в источнике, глоссы наши. Лексема *mha* глоссирована как глагол в соответствии с концепцией Л. Хуан. В наших примерах она будет глоссироваться как неизменяемая предикатная лексема.

- (7) *kʌmʌyal* *bnkis* *mha* {*laxi* Ø-*usa*' *m-quriq*}
 <AF>говорить старик AF.говорить NEG AF.CNG-идти AF-воровать
 'Старик сказал: «Не ходи воровать!»'
- (8) *baq-un* *Tali*' *mha* {*nyux=saku*' *m-nbu*'}
 знать-PF Тали AF.говорить PRG.PROX=1SG.ABS AF-болеть
 'Тали_i знает, что он_i болен'.
- (9) *wal* *bu-n* *qu*' *ɲarux* *mha*
 PRF стрелять-PF NOM медведь REP
 'Говорят, медведя подстрелили'.

Такая картина развития глагола речи почти идеально соответствует типологическим ожиданиям: развитие глагола речи в показатель цитации, а показателя цитации — в показатель комплементации, а также диахроническая связь между глаголом речи и показателем репортатива зафиксированы в большинстве источников. Однако атаяльский материал далеко не так тривиален, и цель настоящей статьи в том, чтобы показать, что гипотеза Л. Хуан требует пересмотра. В статье используются данные трех различных диалектов атаяльского языка; в этих данных зафиксированы дополнительные функции *mha*, а некоторые функции, приведенные Л. Хуан, наоборот, не находят подтверждения. Употребление *mha* в наших данных позволяет предположить, что развитие этого маркера не соответствует основной гипотезе [Saxena 1988], однако это может быть объяснено тем, что для *mha* исходно неверно определен лексический источник, а гипотеза [Saxena 1988] была предложена на материале тех маркеров, которые развились из глаголов речи.

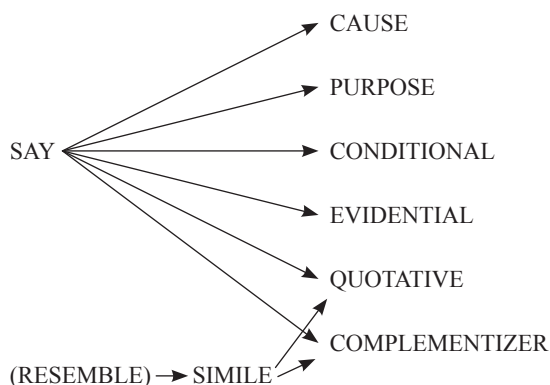
Прежде чем перейти к атаяльскому материалу, рассмотрим другие варианты развития глаголов речи, а также другие лексические источники маркеров цитации. В [Chappell 2008] помимо путей, перечисленных в [Saxena 1988], отмечается развитие глаголов речи в показатели при ономотопеических словах, в маркеры миратива, топика, перечисления, а также некоторые эмоционально-модальные маркеры (такие как показатели предостережения). Следует еще раз оговориться, что представленная гипотеза [Saxena 1988] и исследование [Chappell 2008] имеют отношение к конструкциям цитации, в которых маркер, сигнализирующий о цитации, имеет (хотя бы диахроническое) отношение к глаголу речи. Однако существуют и другие источники маркеров цитации. Так, в [Heine, Kuteva 2002] в качестве источников маркера цитации (концепт QUOTATIVE) приводится, помимо глагола речи (концепт SAY), предикат сходства (концепт SIMILE). Источников комплементайзера там же зафиксировано еще больше: помимо уже указанных глаголов речи и предикатов сходства приводятся еще шесть источников (концепты ALLATIVE, DEMONSTRATIVE, MATTER, W-QUESTION, RELATIVE, THING)⁶.

Для глаголов речи в [Heine, Kuteva 2002] отмечается семь зафиксированных путей грамматикализации: предикат сходства (SIMILE), показатели цели (PURPOSE), причины (CAUSE), условия (CONDITIONAL), цитации (QUOTATIVE), комплементации (COMPLEMENTIZER) и эвиденциальный маркер репортатива (EVIDENTIAL)⁷.

Условно можно свести описанные пути грамматикализации к следующей схеме:

⁶ Разница между концептами RESEMBLE, который указан как источник для комплементайзера, и SIMILE, который развивается в маркер цитации, нам до конца не ясна. И в том, и в другом концептах встречаются примеры с исходным лексическим значением 'thus', 'like' и наречными свойствами. Поэтому мы считаем, что по большому счету это один и тот же концепт.

⁷ Б. Хайне и Т. Кутева [Heine, Kuteva 2002: 269] указывают еще один путь — в маркер подчинения (SUBORDINATOR), однако примеры и пояснения для данного пути включают в себя развитие глаголов речи в показатели цели и причины, поэтому мы считаем этот путь недостаточно самостоятельным.

Рис. 1. Пути грамматикализации глаголов речи и сходства по [Heine, Kuteva 2002]

Таким образом, согласно [Heine, Kuteva 2002], предикат сходства может быть как независимым источником грамматикализации для интересующих нас показателей, так и промежуточной точкой на пути грамматикализации от глагола речи к показателям цитации, комплементации и репортатива. С другой стороны, не исключено, что в одном языке одновременно может происходить несколько независимых процессов с одним источником.

Наиболее разнообразный набор лексических источников маркера цитации, видимо, приведен в [Güldemann 2008]: это, помимо глаголов речи, глаголы-связки с семантикой ‘быть’, ‘стать’; глаголы со значением общего действия; глаголы движения; многочисленные неглагольные элементы, в том числе с семантикой сходства.

Среди лексических источников, которые впервые упоминаются Гюльдеманом как развивающиеся в маркеры цитации, следует особо выделить глаголы общего действия. Это предикаты без специфической семантики, которые обычно сопровождаются другим глаголом, уточняющим характер действия, или же наречиями со значением, близким к ‘так’:

(10) Тяминтунг (Австралия) [Güldemann 2008: 307]

<i>maja'</i>	<i>gan-unggu-m</i>	<i>darlarlag-bung</i>	<i>ga-ngga</i>	<i>warlnginy</i>
так	3s:3s-PV-PRS	трястись-SIM	3s-идти.PRS	ходьба

‘Он это **вот так** делает, трясясь ходит’ (сопровождается пантомимой).

Наша гипотеза состоит в том, что исходно атаяльский *mha* имел именно такое, общее значение действия, и путь его развития сравним с путем развития маркеров цитации и репортатива в языках вроде кунама (Эритрея) [Güldemann 2008: 311–315].

2. Общие сведения об атаяльском языке

Атаяльский язык — один из пятнадцати живых австронезийских языков о. Тайвань, входит наряду с седицким языком в атаялическую группу. Второй среди тайваньских австронезийских языков по числу носителей (84 300 носителей по данным Этнолога на 2002 г.), атаяльский язык отличается значительной диалектной дробностью. Он распространен в центральной, северной и северо-восточной частях острова, преимущественно в горных районах префектур Мяоли, Наньтоу, Тайбэй, Тайчжун и Илань. Диалекты традиционно объединяются в две группы — скулик и цоле, причем диалекты второй группы считаются

более архаичными. Наиболее исследованными на сегодняшний день являются варианты гоган (группа скулик) и майринах (группа цоле)⁸.

Данные, представленные в настоящей работе, относятся к трем вариантам атаяльского языка: скикунскому диалекту группы цоле, а также пьянанскому и сянухскому вариантам разных диалектов группы скулик. Из рассмотренных вариантов только сянухский принадлежит к диалектам, которые рассматривает Л. Хуан, поэтому отличие наших результатов от изложенных в [Huang 2008; 2015] может быть связано с диалектными различиями.

Атаяльский язык характеризуется базовым порядком слов VOS, то есть начальная позиция в клаузе закреплена за предикатом. Предикатными в атаяльском языке являются не только глагольные лексемы, но также существительные и прилагательные. Класс глаголов отличает богатая парадигма, в которой различается до четырех наклонений (индикатив, императив, гортатив и коннегатив) и до четырех залоговых (в других терминологических системах — фокусных) форм. Индикатив различает также нейтральную временную форму и форму сверхпрошлого, а в активном залоге некоторые глаголы образуют форму с семантикой близкой к зоне будущего времени (см. подробнее [Горбунова 2017]). Следует оговориться, что крайне редко глагол имеет полную парадигму с четырьмя наклонениями, четырьмя залогами и двумя дополнительными темпоральными маркерами. Зачастую у глаголов фиксируется только две залоговые формы и только два наклонения. Некоторые глаголы и вовсе не имеют словоизменения: таковыми являются, например, дейктически окрашенные глаголы положения в пространстве *tiux* ‘быть там’ и *niux* ‘быть тут’⁹, а также глагол движения *wayal* ‘уйти’. Помимо синтетических форм, в атаяльском языке широко распространены аналитические формы глагола, в которых вспомогательный предикат (показатель аспекта, полярности или модальности) занимает в клаузе первую (крайнюю левую) позицию. Однако для дефектных глаголов, не имеющих синтетических форм, аналитические формы также не зафиксированы. Левее глагола в клаузе может быть топикализованная группа (чаще всего маркированная частицей *ga*), а также семантически окрашенные маркеры подчинения (такие как условные союзы), которые, однако, не являются в этом языке обязательными. Рассмотрим пример:

- (11) *mhani tireq=saku yapit suxan=ga si=ta niq-i=la*
 если бить=1SG.ABS летяга завтра=TOP AS=1PL.INC(OBL) есть-PE.CNG=RPC
 ‘Если я завтра поймаю летягу, мы будем (ее) есть’.

Здесь крайнюю левую позицию в протазисе занимает факультативный условный союз *mhani*, а глагол, следующий за союзом, притягивает местоименную клитику. В аподозисе использована ассертивная конструкция с вспомогательным элементом *si*, который также стоит левее смыслового глагола и, в отличие от союза, «перетягивает» местоименную клитику на себя.

Другая группа сентенциальных маркеров — фразовые частицы, они располагаются на правой периферии клаузы. К ним относится в том числе показатель топика *ga*, обязательно маркирующий некоторые типы зависимых клауз (условные, временные). Большинство фразовых частиц имеет фонетическую структуру CV (ср. *la*, *ga*, *pi*, *ki*, *ha*), и, сочетаясь друг с другом, эти частицы чаще всего образуют фонетически цельную группу, в которой все, кроме последней, подвергаются редукции (теряют гласный):

- (12) *swa niu m-qwalax soni l=pi!*
 почему PRG.PROX AF-дождь сейчас RPC=Q.EMP
 ‘Почему же дождь уже идет?!’

⁸ Единственная грамматика атаяльского языка [Rau 1992] основана по большей части на улайском варианте, а также на ряде источников, фиксирующих разные варианты атаяльского языка, преимущественно в первой половине XX века.

⁹ Подробнее об этой паре глаголов см. [Горбунова 2016].

Итак, по гипотезе Л. Хуан, *mha* в атаяльском языке на синхронном уровне может быть глаголом, союзом или фразовой частицей, и каждый из этих типов употребления демонстрирует разные стадии развития конструкции передачи речи: от полноценного глагола речи через союз, вводящий цитацию или сентенциальный комплемент, к фразовой частице.

Такая концепция вызывает некоторые сомнения. Во-первых, морфосинтаксический статус *mha* на первой из указанных стадий неопределен. Нет никаких свидетельств того, что *mha* является глаголом: как глагол, он должен был бы иметь несколько залоговых форм, несколько форм наклонения, сочетаться со вспомогательными глаголами аспекта и с отрицанием. Можно было бы считать, что *mha* является глаголом с дефектной парадигмой, наряду с экзистенциальными предикатами *niux*, *tiux* и глаголом движения *wayal*, что и предлагается в [Huang 2008]. Однако там же отмечается, что *mha* в глагольной функции не может занимать начальную позицию в предложении, что абсолютно нетипично для предикатной лексемы атаяльского языка¹⁰.

Во-вторых, переход с третьей на четвертую стадию (т. е. от маркера комплементации к маркеру репортатива) представляется довольно сомнительным как с точки зрения семантики, так и с точки зрения линейного порядка (в конструкции комплементации, согласно Л. Хуан, *mha* может только предшествовать сентенциальному актанту, но не следовать за ним). Нам кажется более приемлемой гипотеза о том, что конструкция репортатива развивается напрямую из конструкции цитации или из глагола речи через потерю слов автора и элиминирование субъекта речи (т. е. с помощью «расподчинения» из конструкций типа (5)–(6) в конструкцию типа (9), сравнимо со сценарием A-iii в [Aikhenvald 2004: 273]).

В-третьих, наличие у *mha* функций комплементайзера в принципе вызывает определенные сомнения. Основным аргументом Л. Хуан за то, что такие функции у него есть, является его сочетаемость с глаголами, не имеющими прямого отношения к обозначению речевого акта, такими как *mɲlɲ* ‘думать’. Однако все полученные конструкции вполне соответствуют нашему широкому определению конструкции цитации. Кроме того, во всех конструкциях с *mha* действительные элементы во вложенной клаузе ориентированы на субъект матричной клаузы (автора цитации), а не на автора ремарки. Этот эффект особенно хорошо иллюстрируется примером (4) выше: во вложенной клаузе субъектная клитика первого лица относится к Тали, а выбор вспомогательного глагола прогрессива (проксимального, а не экстремального) обусловлен ориентацией на Тали как на действительский центр. Такое поведение личного и пространственного дейксиса является отличительной чертой прямой цитации, а не комплементации. В [Huang 2008: 30] утверждается, что при ряде глаголов (в частности, при глаголе *baq* ‘знать’) *mha* может вводить сентенциальный актант, внутри которого дейктики ведут себя не как в прямой цитате, однако убедительных примеров на это не приводится¹¹. Возможно, *mha* возникает в конструкции с т. н. полупрямой цитацией (semi-direct speech, см. [Aikhenvald 2008] среди прочего).

О том, что развитие *mha* в сторону показателя сентенциального подчинения только начинается, говорят и данные родственных языков и междиалектного сравнения. Согласно последним описаниям атаялических языков, в большинстве случаев конструкции цитации и сентенциального подчинения маркируются по-разному. Так, в языке седик, согласно данным Н. Цукиды [Tsukida 2015, 2016], конструкции цитации оформляются глаголом речи *mesa* (13), в то время как конструкции комплементации могут оформляться факультативным маркером *ka* (14):

¹⁰ Здесь следует отметить, что в [Huang 2008: 26] приводится один пример (под номером (26e)), где *mha* сочиняется с другим глаголом и в своей группе занимает крайнюю левую позицию. Однако наши информанты не допускают примеров, структурно аналогичных указанному, а Л. Хуан в более поздней работе не учитывает этот пример, поэтому мы его также не учитываем.

¹¹ Единственный пример, который приводит Л. Хуан, вполне может быть проанализирован как пример с прямой речью, в которой субъект — неопределенное или обобщенное лицо.

- (13) “*Ma=na se-kesa’aN ka me-’uyas ’uyas niyi hu-wa?’*”
 почему=3S.GEN CV-сердиться CNJ AV-петь песня этот Q-EXCLAM
m-esa lengelung ka Sikat.
 AV-говорить думать NOM Сикат

‘Почему он сердится, когда поет эту песню?’ — думает Сикат’ [Tsukida 2016].

- (14) *me-kela ka m-en-iyah=ku pa’ah tehaypaq ka rubiq*
 AV-знать CMP AV-PRF-прийти=1S.NOM из Тайбэй NOM Рубик

‘Рубик знает, что я приехал из Тайбэя’ [Tsukida 2015: 157].

По данным Л. Хуан [Huang 2015], похожая картина наблюдается в атаяльском диалекте майриных (цитация оформляется «глаголом» *maha*, комплементация — маркером *cu*). В других исследованных ею вариантах, однако, обе конструкции оформляются при помощи *mha*. Учитывая, что диалект майриных считается одним из наиболее архаичных вариантов атаяльского языка и именно этот диалект придерживается той же стратегии, что и седик, логично предположить, что *mha* сравнительно недавно начал вытеснять в атаяльском языке особый, более архаичный (и, видимо, факультативный) показатель комплементации.

Грамматика [Rau 1992] в качестве показателя репортатива приводит фразовую частицу *ma* (не *mha*), которая могла бы быть результатом фонетической редукции *mha* — однако такая форма *mha* в работах Л. Хуан не фигурирует. Если предположить, что *ma* — это фонетически редуцированная форма *mha*, возникает вопрос, допустима ли редуцированная форма в других употреблениях *mha* — например, в конструкции цитации.

Ниже мы постараемся дать более полный анализ конструкций с *mha*, зафиксированных в наших материалах, а заодно доказать связь между *mha* и *ma*.

3. Дистрибуция и степень грамматикализации *mha* и *ma* в разных контекстах

3.1. Функции *mha* и *ma*

В пьянанском варианте атаяльского языка обнаружены предикативные употребления *mha*, где эта лексема допускает типичную глагольную линейную позицию (15–17). В такой позиции форма *ma* недопустима. Предикат *mha* одновалентен, притягивает местоименные клитики (17), сочетается с факультативными союзами (там же) и выступает в однородной цепи сочинения наряду с полноценными глаголами (16). Однако в зафиксированных нами употреблениях *mha* функционирует не как глагол речи, а как предикат сходства или общего действия:

- (15) *s(n)hi-an=mamu raran ga nanu mha*
 <NMLZ>верить-NMLZ.LF=2PL.OBL древний TOP что походить
 ‘Каковы были ваши древние верования?’
- (16) *m-hoqil=ga <...> sbu-n pala ro quip-un ro*
 AF-умереть=TOP завернуть-PF ткань & заворачивать-PF &
mha hani ro <...> bliq-an ro si tama kia ro
 делать этот & дыра-LF & ASR [AF.DEF]сидеть там &
bl-an uraw ro si-an btunux-tapaq waweq=nia
 засыпать-LF земля & класть-LF камень-плоский верх=3SG.OBL

‘Когда (человек) умирал, его оборачивали тканью, заворачивали, **вот так вот делали** {показывает}, копали яму, сажали его туда, засыпали землей и клали сверху плоский камень’.

- (17) *nanu siga mha=simu kia ga babaw=nia ga ana utux mnkis ga*
 что если делать=2PL.ABS там топ верх=3SG.OBL топ даже дух предок топ
musa m-lhaj sonnha kwara ita laqi qani
 COND AF-охранять так.называемый все мы ребенок DEM.PROX

‘Так вот, если вы **так сделаете** (как я сказал только что), потом даже духи предков будут охранять всех нас, детей (своих)’.

В значении общего действия *mha* обязательно требует наречного дейктического местоимения (*kia* ‘так’, *hani* ‘этак’ и т. д.), а в значении свойства допускает также местоимения типа *nanu* ‘так’ и в таких контекстах ведет себя как переходный. Как и Л. Хуан, нам не удалось обнаружить другие формы этой лексемы, и, вероятно, *mha* на синхронном уровне морфологически не изменяется.

Таким образом, морфосинтаксический статус *mha* в независимых употреблении (в ранее не зафиксированном значении общего действия) и его исходная семантика по-прежнему не ясны; синтаксически *mha* ведет себя как вершина глагольной группы (сочетается с подчинительными союзами, притягивает прономинальные клитики, занимает крайнюю левую позицию), однако морфологических черт глагола не имеет. Как упоминалось в разделе 2, есть другие предикаты, которые принято считать глаголами с дефектной парадигмой, и *mha* можно было бы отнести к их числу, однако во избежание неточностей мы будем называть *mha* предикатной лексемой или предикатом, а не глаголом.

Помимо независимых употреблений, у *mha* отмечено не менее шести различных типов грамматализованных употреблений.

В первую очередь, *mha* используется в качестве маркера в цитационной конструкции с глаголами речи (18) и, шире, при предикатах мышления (19–20) и чувственного восприятия (21).

- (18) *phwan-an=nha yuranco=mha {ika bento ika bento}*
 кричать-LF=3PL.OBL автобус=QUOT дать.IMP бенто дать.IMP бенто

‘Они кричали автобусу: «Дай бенто¹², дай бенто!»’

- (19) *suxan=ye baq-un l=ma {tiu utux la}*
 завтра-PTCL знать-PF RPC=QUOT быть.DIST дух RPC

‘Назавтра (я) понял, что там есть дух’.

- (20) *ana hya uyi ga m-n-kux nanak ro m-ɲluŋ =mha*
 даже 3SG тоже топ AF-DP-испугаться сам & AF-думать =QUOT
{nanu tiu=nha psiaq-an ita qa kwara k-kneril qasa}
 что PRG.DIST=3PL.OBL смеяться-LF 1PL.INC DEF все PL~женщина DEM.DIST

‘Даже и она сама испугалась и подумала: «Почему все те женщины смеются надо мной?»’

- (21) *m-n-kux qu kwara=mha {swa mha kia}*
 AF-DP-испугаться DEF все=QUOT почему походить там
ipay qani swa m-yuŋay la}
 Ипай DEM.PROX почему AF-обезьяна RPC

‘Все испугались, почему эта Ипай так делает, почему (она) стала обезьяной’.

- (22) *ana laqi metaw s-kji=mha {ika mami}*
 даже ребенок почти IF-злиться=QUOT дать.IMP рис

‘Даже дети злились, мол, дайте риса!’

Следует отметить, что в наших материалах такие конструкции всегда ведут себя как прямая цитация: помимо уже обсуждавшихся в предыдущем разделе явлений дейксиса,

¹² Японская (弁当), а также тайваньская (便當) форма дорожной еды — плоская коробка с рисом и несколькими порциями различных блюд.

во вложенной клаузе оказываются допустимы явления самостоятельного высказывания. В частности, при любом предикате предложение, вводимое *mha*, может быть возглавлено императивом (18, 22) или иметь форму (и интонацию) вопроса (21). Примеров, где дейк-сис вложенной клаузы в конструкции с *mha* был бы безусловно ориентирован на говорящего, в наших данных нет¹³.

В конструкции цитации чаще фиксируется маркер *mha*, однако усеченная форма *ma* также встречается (ср. пример (19)). Более подробно конструкции цитации будут рассмотрены в следующем разделе, поскольку они обнаруживают значительные вариации в отношении относительного порядка авторской ремарки, цитации и маркера *mha* и (не)допустимость усеченной формы варьирует в зависимости от конкретной конструкции.

Функции маркера репортатива зафиксированы в наших материалах только у фразовой частицы в форме *ma*. Употребление *mha* в случае, если источник информации не указан, в изученных нами вариантах неприемлемо, ср.

- (23) *ana mwani ga m-ŋŋi utux uyi ma / *mha*
 даже сейчас TOP AF-бояться дух тоже REP QUOT
 ‘И сейчас тоже (говорят) бояться духов’.

Помимо описанных ранее трех употреблений, в пьянанском варианте атаяльского языка также зафиксировано употребление *mha* в качестве маркера при ониматопеических лексемах. При этом показатель *mha* факультативен, а комплекс *mha* со звукоподражанием (или звукоподражание само по себе) ведет себя как предикат: занимает крайнюю левую позицию в глагольной группе, сочетается с модальными глаголами (25) и превербальными маркерами (24).

- (24) *hopa qsia=nia ga si (mha) buloq-buloq qu m-qluy*
 большой вода=3SG.OBL TOP ASR QUOT буль-буль DEF AF-течь
 ‘Когда паводок, (вода) течет «буль-буль»’.

- (25) *sbehuy ga baq (mha) kulang-kulang qu muyaw qasa*
 тайфун TOP [AF]мочь QUOT дзынь-дзынь DEF дом DEM.DIST
 ‘Во время тайфуна тот дом может (дребезжать) «дзынь-дзынь»’.

Морфосинтаксический статус *mha* в таких конструкциях неясен. В атаяльском языке не фиксируется образование сложных глагольных лексем, и просодически *mha* ведет себя как отдельная словоформа, поэтому больше всего это похоже на аналитическую форму со вспомогательным глаголом.

Между тем, при передаче звуков, производимых животными, *mha* оказывается обязательным и занимает позицию после звукоподражания (как в примерах Л. Хуан на «глагольные» употребления *mha*). В таких конструкциях *mha* просодически примыкает к звукоподражанию, но в целом его статус также неясен.

- (26) *sek-sek mha sileq ga ana m-usa k(m)alup rgiax la*
 сек-сек QUOT белоглазка¹⁴ TOP можно AF-идти <AF>охотиться горы RPC
 ‘Если белоглазка поет «сек-сек», то можно идти в горы охотиться’.

В речи некоторых носителей (в первую очередь в пьянанском варианте) *mha* также используется как факультативный условный союз.

¹³ Однако допустимость такого употребления специально не проверялась, поэтому отрицательным материалом мы также не обладаем.

¹⁴ Птица из семейства белоглазковых (Zosterops), почитаемая среди атайльцев священной. Охотники прислушиваются к пению этой птицы и предсказывают исход охоты исходя из того, какие звуки она издает.

- (27) *mha m-n-wah m-lata shera ga*
 если AF-DP-идти AF-охотиться вчера TOP
aki=ta m-aneq qsinuw soni la
 CNF=1PL.INC(ABS) AF-есть зверь сегодня RPC

‘Если бы он вчера сходил на охоту, сегодня мы бы поели мяса’.

Кроме того, *mha* может выполнять дискурсивную функцию, вводя длинные пояснительные цепочки, содержащие перечисление (28) или заполняя паузы при хезитации или самокоррекции (29).

- (28) *nanuyasa l=ga kwara qa ptyogun pira=mha {musa=yi m-uya?*
 поэтому RPC=TOP весь DEF работа как=QUOT MOD=PTCL AF-сажать
nanu... n~nanu qu niqu=nha iniga traqis iniga balic
 что PL~что DEF есть.PF=3PL.OBL или могар или бобы
iniga sehuy l=ga} kwara ptyogun qani l=ga
 или таро RPC=TOP весь работа DEM.PROX RPC=TOP
i=nha b-qaneq kneril=nha la
 ASR=3PL.OBL [AF.DEF]CAUS-есть женщина=3PL.OBL RPC

‘Поэтому вся работа, типа выращивать что-то поесть, могар или бобы или таро, — вся эта работа, их женщины их кормили.’

- (29) *kneril ga s-qu m-tyog-u mha... s-qu...*
 женщина TOP ACC-DEF AF-работать-(PF) QUOT ACC-DEF
m-tyow s-qu muyaw=nia la
 AF-работать ACC-DEF дом=3SG.OBL RPC

‘Женщины работали... ну...работали дома’.

Таким образом, зафиксированные нами употребления *mha* в атаяльском языке выходят за пределы грамматикализованных употреблений глаголов речи или предикатов сравнения по [Heine, Kuteva 2002]. Кроме того, функции *mha* значительно отличаются от грамматикализованных употреблений глаголов речи в синитских языках по [Chappell 2008], поэтому влияние китайского языка, ощутимое во многих других аспектах атаяльской грамматики, в данном случае следует исключить, см. таблицу 1 ниже.

В связи с тем, что исходное лексическое значение *mha* до конца не ясно и может быть связано как с речью, так и со сравнением, особенно интересным нам представляется то, как именно у *mha* могло развиться значение сравнения, если оно не было исходным.

Гипотеза [Saxena 1988] о пути развития маркера цитации в условный союз для атаяльского языка не очень удобна. Путь, предложенный [Saxena 1988], не находит подтверждения — в наших материалах не обнаружена ни одна из промежуточных стадий перехода в этом пути (целевые или причинные союзы, маркеры при вопросительных словах и т. п.). Ниже на предложенном в [Saxena 1988] пути жирным выделены употребления, зафиксированные у *mha*:

- (30) **показатель цитации** → **показатель комплементации** → целевой союз → причинный союз → маркер вопросительного слова → ... → **условный союз** → маркер сравнения

В атаяльском языке лишь в одном пьянанском варианте зафиксировано использование *mha* в качестве условного союза. Это использование достаточно неустойчиво и не поддерживается старшим поколением, поэтому есть основания полагать, что функцию условного союза *mha* обрел сравнительно недавно. При этом никаких функций, представляющих промежуточные стадии развития от маркера комплементации к условному союзу, у *mha* в этом варианте (как и в остальных) не фиксируется. Более того, нет никаких свидетельств того, что в атаяльском языке когда-либо были целевые или причинные союзы как таковые. Тем самым развитие *mha* в атаяльском языке нарушает идею упорядоченной цепи развития, высказанную в [Saxena 1988].

Таблица 1

**Грамматикализованные употребления глаголов
речи в синитских языках и атаяльском**

Функция	Синитские (по [Chappell 2008])	Атаяльский
Маркер цитации и комплементации	+	+
Условный союз	+	+
Целевой союз	+	
Причинный союз	+	
Маркер репортатива	+	+
Маркер при ониматопеических словах		+
Маркер сравнения		(?) ¹⁵
Маркер миратива		
Конструкции перечисления		+
Маркер топики	+	
Модальные частицы	+	
Маркер восклицания	+	

Заметим, что атаяльский материал не ставит под сомнение саму гипотезу [Saxena 1988], поскольку она предложена и поддерживается при условии, что лексическим источником маркера цитации является глагол речи. В атаяльском языке *mha*, по всей видимости, таковым никогда не являлся.

3.2 Анализ процессов грамматикализации *m(h)a*

Мы принимаем позицию, что грамматикализация является однонаправленным процессом, движимым четырьмя взаимосвязанными механизмами: десемантизацией, расширением дистрибуции, декатегоризацией и фонетической редукцией [Heine, Kuteva 2002: 2]. Эти процессы касаются непосредственно лексемы, которая обретает грамматикализованные употребления, однако в соответствии с принципом расхождения (*divergence principle*, [Norper 1991: 22]) один лексический источник может служить различным грамматикализационным процессам, и степень грамматикализации рассматриваемого объекта имеет смысл оценивать для каждой отдельно взятой конструкции.

Процесс декатегоризации *mha* сложно проследить, поскольку мы не имеем точных данных о лексическом источнике грамматикализации и его категориальной принадлежности. Все словоупотребления *mha*, зафиксированные в наших данных, говорят о том, что *mha* на синхронном уровне неизменяемо. Если когда-то *mha* и было полноценным глаголом (о чем говорит наличие изменяемого когната *mesa* в родственном языке седик), все современные употребления являются декатегоризованными относительно этого исходного состояния, по крайней мере с точки зрения морфологии. Современные употребления можно распределить с учетом линейного порядка на пять типов: предикатная лексема (обязательна в предикации, занимает крайнюю левую позицию в глагольной группе, сочетается с модальными глаголами), превербальная частица (необязательна, занимает позицию слева от предиката, не влияет на дистрибуцию предиката), подчинительный союз (необязателен,

¹⁵ Если только считать устойчивые выражения вида *nani mha* ‘какой’, букв. ‘на что похож’, за сравнение.

занимает позицию на левой границе клаузы, вводит условное придаточное), просодически и линейно свободная частица (может нести собственное ударение, отделяться паузами от соседних словоформ и не ограничена позиционно внутри глагольной группы), фразовая частица (занимает позицию на правой периферии клаузы, может образовывать единый фонетический комплекс с другими фразовыми частицами). В качестве глагола *mha* употребляется при установлении сходства (31) или в конструкциях образа действия (32)¹⁶.

- (31) *naniyasa mha kia qnx-an=mian raran*
 поэтому походить DEM жить-LF=1PL.EXC.GEN раньше
 ‘Поэтому наша прежняя жизнь **была такой**’.

- (32) *swa mha kia ipay qani*
 почему походить DEM Ипай DEM.PROX
 ‘Почему Ипай **так** делает?’

Превербальной частицей можно считать *mha* в конструкциях со звукоподражаниями (примеры (24)–(25) в предыдущем разделе); подчинительным союзом — в условных конструкциях. Просодически самостоятельная линейно свободная частица функционирует в качестве дискурсивного маркера — при самокоррекции и перечислении. В качестве фразовой частицы *mha* выступает в конструкциях цитации и комплементации, оформляя правую границу прямой речи и/или слов автора:

- (33) {*niux utux*} =*mha k<m>ayal uyi*
 быть.PROX дух =QUOTE <AF>говорить тоже
 ‘Говорили также, что существуют духи’.

- (34) *k<m>ayal m-n-qwas na squleq=mha*
 <AF>говорить AF-DP-читать GEN человек=QUOTE
 {*squleq ga m-in-kahol yuŋay*} =*mha*
 человек TOP AF-DP-выйти обезьяна =QUOTE
 ‘Ученые люди говорят, что человек произошел от обезьяны’.

Следует заметить, что [Huang 2008; 2015] относит употребления *mha* как в (33) к категории союзов, однако мы считаем это ошибочным. Во-первых, союзы, маркирующие определенный тип подчинительной связи, в атаяльском языке занимают позицию на левой периферии клаузы (что ожидаемо для языка с последовательным правым ветвлением) — см., в частности, [Горбунова 2017: 96–97], — и такое поведение для *mha* типично только в условных конструкциях. Кроме того, как будет показано ниже, в цитационной функции *mha* может подвергаться фонетической редукции и образовывать единый фонетический комплекс с другими фразовыми частицами.

Согласно нашим данным, в функции маркера правой границы вложенной клаузы в конструкциях цитации — то есть в форме фразовой частицы — *mha* может (а в функции маркера репортатива должен) принимать форму *ma*. Другими словами, *mha* в качестве

¹⁶ Следует отметить, что упоминавшийся во втором разделе седикский глагол *mesa*, употребляемый в качестве маркера цитации, также имеет значение общего действия. В отличие от атаяльского *mha*, седикский предикат сохраняет морфологические черты глагола, изменяясь по залогам, ср. следующий пример из [Tsukida 2016]:

- (i) *huya=su s-un pehuqil ka rudux?*
 do.what=2s.GEN say-GV1 AV.kill NOM chicken
 ‘How do you slaughter chicken?’

Не исключено, что *mha* и *mesa* являются когнатами. В этом случае *m-* в составе *mha*, скорее всего, является исторически префиксом активного залога. В пользу этого говорит также вариант *maha* в диалекте майринов, где *ma-* регулярно соответствует форме *m-* в других диалектах.

фразовой частицы подвержен фонетической редукции: упрощается консонантный кластер (*mha* > *ma*).

- (35) *ita q(u) tayal ga niux utux ma uyi*
 1PL.INC DEF атаяльский TOP быть.PROX дух REP тоже
 ‘У нас, атаяльцев, тоже, говорят, были боги’.

- (36) *suxan=nia l=ga=ye baq-un=mi l=ma {tiu utux la}*
 завтра=3SG.OBL RPC=TOP=& знать-PF=1SG.OBL RPC=QUOT быть.DIST дух RPC
 ‘На следующий день я понял, что там был дух’.

Кроме того в такой функции *m(h)a* в сочетании с другими фразовыми частицами может подвергаться дальнейшей фонетической редукции до *m*.

- (37) *ana nani k<m>ayal ga niux utux m=ga {...}*
 хотя что <AF>говорить TOP быть.PROX дух QUOT=TOP
 ‘Хотя и говорили, что существуют духи...’

Пример (37) показывает, что фразовая частица репортатива *ma*, зафиксированная в грамматике, употребляется не только в репортативных контекстах, но может также оформлять конструкции цитации наравне с *mha*. Как будет показано в следующем разделе, для некоторых носителей фразовые частицы *ma* и *mha* в конструкциях цитации не полностью синонимичны: *ma*, в отличие от *mha*, может иметь дополнительный модальный оттенок недоверности передаваемой информации. Однако в речи старшего поколения такого разделения нет.

Таким образом, по степени декатегоризации и фонетической редукции употребления *mha* можно расположить следующим образом:

Таблица 2

Декатегоризация и редукция *mha*¹⁷

Синтаксическая Функция \ категория	предикат	превербальный маркер	союз	свободная частица	фразовая частица
‘походить’	+				
‘делать (как)’	+				
звукоподражания		(+)			
условие			(+)		
перечисление				(+)	
самокоррекция				(+)	
цитация					+
репортатив					(+)
Не редуцируется					Редуцируется

Мы считаем, что объединить все эти употребления одним процессом десемантизации невозможно. Мы усматриваем в данном случае как минимум две возможных цепочки десемантизации:

- (общее действие) → сходство → перечисление → прочие дискурсивные функции;
- (общее действие/сходство) → введение прямой цитации → введение фактов, известных с чужих слов.

Употребление в качестве условного союза мы не можем уложить ни в одну из известных нам гипотез. Это едва ли можно считать развитием глагола речи, поскольку в качестве

¹⁷ Знаком (+) отмечены употребления, зафиксированные только в пьянанском варианте.

глагола речи *mha* не функционирует в пьянанском варианте, где у него начала развиваться функция условного союза. Развитие по сценарию [Saxena 1988] также представляется маловероятным, поскольку появление функций условного союза в атаяльском не опирается на уже развитые функции других подчинительных союзов (см. также [Güldemann 2008: 467–473] о несостоятельности этой гипотезы). Однако и факторы, которые выделяет Гюльдеман как способные влиять на развитие маркера цитации в условный союз, в атаяльском языке для *mha* отсутствуют. С одной стороны, *mha* не сигнализирует о топикализации, поскольку в атаяльском языке есть специализированный маркер топика и он в условных конструкциях обязателен, в отличие от *mha*. С другой стороны, *mha* нельзя рассматривать наряду с семантически пустыми глаголами, выполняющими сугубо синтаксическую функцию в условных конструкциях, поскольку такие элементы должны быть априори обязательными, а *mha* — один из ряда факультативных маркеров условной конструкции. Тем самым атаяльские данные в отношении развития маркера цитации в маркер протазиса свидетельствуют о том, что существуют не выявленные еще механизмы, под воздействием которых такое развитие становится возможным.

Расширение дистрибуции особенно отчетливо наблюдается у цитационной конструкции с *mha* — от конструкций с глаголами речи к конструкциям с глаголами мышления и чувственного восприятия. Здесь следует отметить, что расширение дистрибуции в атаяльском языке нарушает иерархию, предложенную в [Saxena 1988]. Согласно автору, расширение должно последовательно охватывать предикаты со значением ментальной деятельности ('знать', 'понимать', 'верить'), волеизъявления ('согласиться', 'решить'), чувств ('надеяться') и желания ('хотеть').

- (38) Иерархия доступности предикатов для маркера цитации и комплементации по [Saxena 1988]:
say / tell < think / know / believe < decide / agree < hope / remember < want (to)

Однако в атаяльском языке расширение дистрибуции затронуло предикаты 'знать', 'понимать', а также 'бояться' и 'радоваться', но не предикаты со значением 'решить', 'согласиться' (по крайней мере, таких примеров не зафиксировано). Атаяльский материал, таким образом, предполагает несколько иную иерархию:

- (39) Иерархия предикатов согласно атаяльским данным
say / tell < think / know / believe < hope / remember < **decide / agree** < want (to)

Тем самым, связи между современными употреблениями *mha* можно представить следующим образом (пунктирными стрелками обозначены пути, представляющие друг другу альтернативы, где для выбора одной гипотезы недостаточно данных):

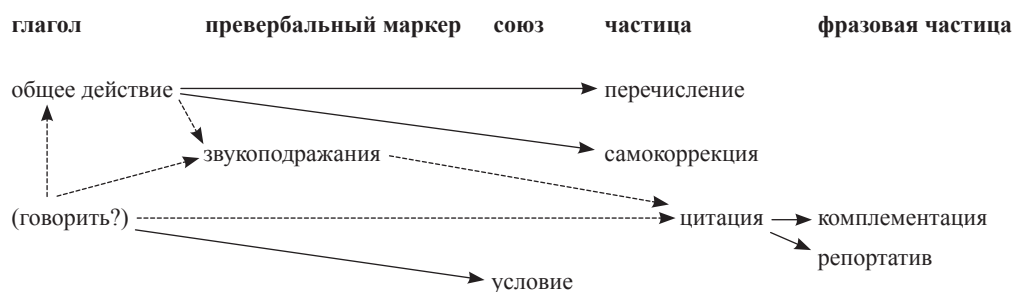

Рис. 2. Карта грамматикализации *mha*

Очевидно, налицо не единый однонаправленный процесс, а по крайней мере несколько процессов. Не исключено также, что современные использования *mha* в качестве

предиката со значением сходства являются результатом деграмматикализации. Однако, как было сказано в первом разделе, источником грамматикализации для маркеров цитации и комплементации может служить как глагол речи, так и предикат сходства. Между тем, источником для маркеров хезитации и самокоррекции может служить лексема со значением сравнения (ср. англ. *like*, русск. *тунa*), тогда как для глаголов речи такой путь грамматикализации до сих пор зафиксирован не был. Иными словами, для наблюдаемых грамматикализованных употреблений *mha* на основании синхронных данных не удастся достоверно определить исходную семантику этой лексемы, и процесс грамматикализации *mha* не так прямолинеен и прост, как это предполагалось до сих пор.

4. От цитационной конструкции к репортативу: второе приближение

Теперь рассмотрим более подробно многообразие конструкций цитации, комплементации и репортатива и попытаемся построить гипотезу развития одних конструкций из других.

В конструкциях цитации *mha* может быть единственным маркером на границе слов автора и прямой речи. При этом порядок этих двух составляющих нестабилен: в наших данных старшее поколение чаще использует конструкцию с препозицией прямой речи (40), в то время как более молодые носители предпочитают конструкцию с препозицией слов автора (41), однако обе группы носителей считают приемлемыми обе конструкции.

- (40) {*niux utux*} =*mha* *k<m>ayal uy*
 быть.PROX дух =QUOTE <AF>говорить тоже
 'Говорили также, что существуют духи' (= 33).

- (41) *p<in>quu-an-ku yaba=maku=mha* {*m-aki qutux yaw...*}
 <DP>рассказывать-LF=1SG.ABS отец=1SG.OBL=QUOTE AF-быть один вещь
 'Мой отец рассказывал мне: «Было такое дело...»'

Просодически и интонационно *mha* примыкает к предыдущему фонетическому слову, являясь энклитикой при цитации (40) или при словах автора (41).

Две энклитики (при словах автора и прямой речи) допустимы при препозиции слов автора, как в (42) и (43).

- (42) *nanu psiaq-an=nha qa=yi ipay qasa=mha*
 поэтому хихикать-LF=3PL.OBL DEF=& Ипай DEM.DIST=QUOTE
 {*aaa swa=su niu m-yuyay l=ga sonnha*} *m=ro*
 а почему=2SG PROG.PROX AF-обезьяна RPC=Q так.называемый QUOTE=&
 'И стали они смеяться над этой Ипай: «А, почему ты стала обезьяной?!...»'

- (43) *nia=c kyal-un cquleq=mha*
 PROX=1SG.ABS говорить-PF человек=QUOTE
 {*tia m-n-uqin soto=ta la*} =*ma(=ai)*
 RES.DIST AF-DP-умереть президент=1PL.INC RPC =QUOTE=MOD
 'Мне сказали: «Наш президент умер!»'

При этом у некоторых носителей пьянанского варианта вызывает сомнения использование фонетически редуцированного варианта клитики в некоторых случаях цитационных конструкций. В частности, в (44) ниже носитель запретил использование *ta*, пояснив, что информация исходит от ученых и не может маркироваться *ta*. Судя по всему, происходит переосмысление репортативного маркера *ta* в сторону модального маркера ненадежной информации (что в целом типично для репортатива, ср. [Aikhenvald 2006: 324]).

- (44) *k<m>ayal m-n-qwas na squleq =mha*
 <AF>говорить AF-DP-читать GEN человек =QUOT
 {*squleq ga m-in-ka hol yuŋay*} =*mha* / *=*ma*
 человек TOP AF-DP-выйти обезьяна=QUOT =REP
 ‘Ученые люди говорят, что человек произошел от обезьяны’ (= 34).

Напротив, в речи старшего поколения и в скикунском варианте при таком порядке прямая речь чаще маркируется редуцированной формой *ma* (ср. (43), скикунский вариант).

Еще одна возможная конструкция цитации и комплементации, используемая исключительно в речи носителей пьянанского варианта, — конструкция с топикализацией слов автора и оформлением прямой речи на *mha*, как в (45):

- (45) *qani qu wayal ini baq-i s-raral ga*
 DEM.PROX DEF PRF NEG знать-CNG.LF ADV-древний TOP
 {*niux utux hya*} =*mha*
 быть.PROX дух 3SG.ABS =QUOT
 ‘В древности не знали, что есть Бог’.

В сянухском варианте слова автора всегда топикализуются, но употребление *mha* при прямой речи неприемлемо, ср. (46). С другой стороны, если источник информации — легенды и сказания, цитация может быть оформлена при помощи *ma*. Указание источника при этом все равно обязательно, поэтому мы считаем, что здесь нельзя говорить о полноценном самостоятельном маркере репортатива (47).

- (46) *k<m>an yaba=mu ga {ikai=ga m-n-wah rgiax ga}*
 <AF>говорить отец=1SG.OBL TOP один.раз=TOP AF-DP-прийти горы TOP
wa=nia kut-an qutux ŋarux (*mha)
 PRF=3SG.OBL резать-LF один медведь QUOT
 ‘Мой отец рассказывал, что однажды он ходил в горы и убил медведя’.

- (47) *k<m>an raran nkis ga*
 <AF>говорить древний предок TOP
 {*tayan na sosen ga htuw aring btunux*} =*ma*
 атаял GEN предок TOP выйти начало камень =QUOT
 ‘Наши прадеды говорили, что предки атаяльцев вышли из камня’.

В скикунском варианте оформление слов автора как топика не зафиксировано.

Широко распространенная у носителей пьянанского варианта конструкция репортатива, в которой указание на источник информации не является обязательным, не зафиксирована ни в одном другом варианте. При этом тот факт, что источник информации в пропозиции — чужие слова, во всех вариантах можно выразить при помощи конструкции *poŋan(mu)(ga)* (букв. «(мною) услышанное», «(я) слышал (что X)»). В пьянанском варианте репортатив обязательно дополнительно маркируется частицей *ma* (48), а в ее отсутствие конструкция интерпретируется как аудитивная (т. е. информация подтверждается звуком), ср. (49).

- (48) *poŋ-an ga m-ŋuŋu balay utux qu squleq raral ma*
 слышать-LF TOP AF-бояться очень дух DEF человек древний REP
 ‘Говорят, древние люди боялись духов’.

- (49) *poŋ-an ga (m-ira) tiux m-qwalax qu tanux*
 слышать-LF TOP AF-похоже PRG.DIST AF-дождь DEF снаружи
 ‘Судя по звуку, на улице дождь’.

В скикунском и сянухском вариантах данная конструкция также может использоваться для выражения аудитивного значения. Аудитив от репортатива в этих вариантах отличается

иначе: в скинунском варианте при репортативе выражение *poŋan(mi)* топикализуется, как в (50), в то время как при аудитиве топикализации нет и имеет место структура с сентенциальным актантом (букв. ‘слышно, что Р’, пример (51)).

- (50) *poŋ-an=mi*   *ga*   *uka*   *na*   *yingay*   *yuyik*   *qani*   *(*ma)*
 слышать-LF=1SG.OBL   TOP   NEG.EXIS   GEN   обезьяна   низ   DEM.PROX   REP
 ‘Говорят, здесь внизу нет обезьян’.

- (51) *poŋ-an=mi*   *aku*   *tian*   *m-qwalax*   *tanu*   *h-aw!*
 слышать-LF=1SG.OBL   MOD   PRG.DIST   AF-дождь   снаружи   EV-MOD
 ‘Судя по звуку, снаружи дождь!’

В сянухском варианте топикализация происходит в обоих случаях, но в случае аудитива добавляется предикация сравнения (букв. ‘слышимое мной похоже на то, что’, пример (52)), а в контексте репортатива допустимо (но не обязательно) употребление фразовой частицы *ma* (53).

- (52) *poŋ-an=ga*   *yan*   *bay*   *tiux*   *qwalax*   *(ai)*   *tanux*
 слышать-LF=TOP   похоже   очень   PRG.DIST   [AF]дождь   MOD   снаружи
 ‘Судя по звуку, похоже, снаружи идет дождь!’

- (53) *poŋ-an=ga*   *raran*   *na*   *squleq*   *ga*   *ŋuŋu*   *bay*   *utux*   *(ma)*
 слышать-LF=TOP   древний   ATR   человек   TOP   [AF]бояться   очень   дух   REP
 ‘Говорят, прежние люди боялись духов’.

Вероятно, репортативная конструкция с *ma* диахронически связана с конструкцией, где слова автора топикализованы. Топикализация слов автора, между тем, вероятнее всего является инновацией в диалектной группе скулик и в качестве исходной структуры имеет конструкцию вида «прямая речь — *mha* — слова автора». На рис. 3 ниже представлена предполагаемая картина развития конструкций цитации и репортатива. Слова автора, содержащие предикат речи, мышления или чувственного восприятия, условно обозначены V; прямая речь обозначена QUOT. Конструкции, с высокой степенью вероятности связанные диахронически, на рисунке соединены сплошными стрелками. Пунктирные стрелки указывают на возможные диахронические связи между двумя конструкциями.

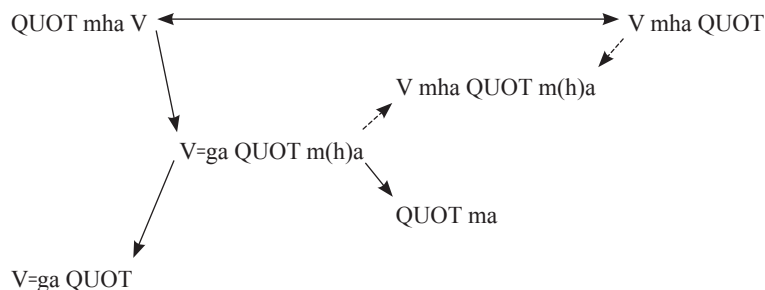
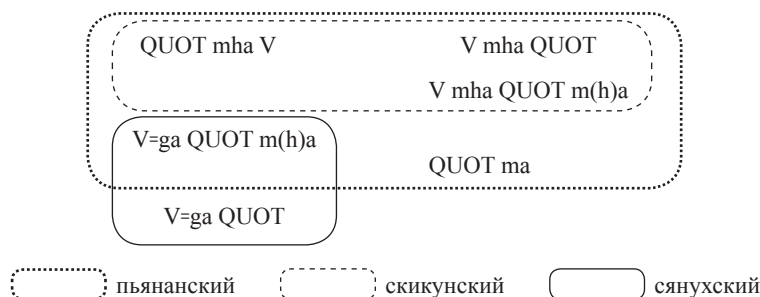

Рис. 3. Карта развития конструкций цитации и репортатива

На этой карте конструкции расположены таким образом, чтобы между соседними конструкциями был возможен переход в одну трансформацию (топикализация одного из элементов, утрата одного из элементов, и т. п.), и при этом для каждого исследованного нами варианта наблюдаемые конструкции занимали на карте единое сплошное поле.

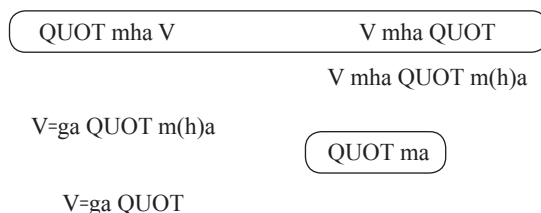
Судя по всему, развитие репортативного употребления *ma* связано с возможностью топикализации слов автора. Такая топикализация возможна в пьянанском и сянухском

вариантах, и в обоих вариантах *ma* может выступать в качестве маркера репортатива. При этом в сянухском варианте конструкции цитации, где прямая речь не может оформляться при помощи *mha* / *ma*, противопоставлены конструкциям репортатива (передачи информации без конкретного источника), где пропозиция может оформляться при помощи *ma*. В пьянанском варианте такого противопоставления нет и *ma* может выступать как в конструкциях репортатива, так и в конструкциях цитации.

Рис. 4. Конструкции, зафиксированные в рассмотренных вариантах

Конструкции, зафиксированные в работах Л. Хуан, тем не менее, занимают две отдельных зоны (отсутствуют конструкции с топикализацией, которые мы считаем предшествующими конструкции репортатива):

Рис. 5. Конструкции, зафиксированные Л. Хуан на предполагаемой карте

Вполне возможно, что это объясняется неполнотой данных в работах Л. Хуан (в ее задачи не входило исчислить все возможные конструкции с *mha*), а не несостоятельностью предложенной карты.

5. Итоги и дальнейшие вопросы

Итак, конструкции с *mha* в исследованных нами диалектах позволяют поставить под сомнение морфосинтаксический статус этой лексемы в современном языке, ее исходную семантику и единый однонаправленный процесс ее грамматикализации [Huang 2008; 2015]. Кроме того, наблюдаемые функции данного маркера нарушают целый ряд различных гипотез о путях и процессах грамматикализации для глаголов речи и маркеров цитации. В частности, расширение дистрибуции *mha* произошло таким образом, что кажется необходимым пересмотреть иерархию матричных предикатов, предложенную в [Saxena 1988]. Появление функции условного союза у *mha* зафиксировано в одном из вариантов, тогда как никаких других союзных функций у него нет ни в одном из диалектов, что нарушает

предложенный там же гипотетический путь развития от показателя цитации к условному союзу (тем не менее, вполне возможно, что это употребление развилось у *mha* независимо от конструкции цитации из исходных предикатных употреблений). Развитие наблюдаемых значений едва ли можно приписать адстратному влиянию, поскольку в китайском языке, являющемся наиболее влиятельным в данном регионе, наблюдаются иные функции у грамматикализованных глаголов речи (а грамматикализации глаголов общего действия, если таковые есть, не зафиксировано вовсе).

Наблюдаемые явления позволяют говорить о том, что в атайальском языке произошло несколько процессов грамматикализации с лексическим источником *mha*, а также предположить, что исходное значение данной лексемы крайне абстрактно и может быть представлено как «общее действие» или «сходство», и, тем самым, лексический источник (вернее, его значение) изначально определен не верно. Косвенно в пользу этой гипотезы говорит наличие у *mha* дискурсивных функций в конструкциях перечисления, а также при гезитации и самокоррекции, поскольку подобные употребления в языках мира не были зафиксированы для глаголов речи, но встречаются у лексем со значением сходства.

Развитие репортативных употреблений у *mha* и фонетически редуцированного варианта *ma*, судя по всему, тесно связано с возможностью топиализации слов автора. При этом в речи части носителей репортативное употребление не зафиксировано до сих пор, а в речи некоторых носителей репортативный маркер уже приобретает модальное значение сомнительности передаваемой информации. Такое положение дел говорит о том, что развитие конструкций цитации и репортатива происходит в разных вариантах независимо, а значит данных трех вариантов может быть недостаточно для полной картины. Исследование функций *mha* и *ma* в большем количестве вариантов атайальского языка необходимо для лучшего понимания развития данных конструкций и роли топиализации в этом процессе.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ABS — абсолютив

ACC — аккузатив

ADV — наречная форма

AF — агентный фокус

ASR — ассертив

ATR — атрибутив

AV — активный залог

CAUS — каузатив

CNG — коннегатив

CNF — контрфактив

COND — обусловленная (импликативная) модальность

DEF — определенный артикль

DEM — указательное местоимение

DEP — зависимая форма глагола

DIST — экстремальный (дальний) дейктик

DP — сверхпрошрое

EMPH — эмфатическая фразовая частица

EV — эвиденциальный показатель

EXC — эксклюзив

EXCLAM — показатель восклицания

GEN — генитив

GV — “направительный залог” (goal voice)

IF — инструментальный фокус

IMP — императив

INC — инклюзив

LF — локативный фокус

MOD — модальный маркер

NEG — отрицание

NEG.EXIS — экзистенциальное отрицание,

NMLZ — номинализация

NOM — номинатив

OBL — обликвус

PF — пациентный фокус

PL — множественное число

PRF — перфект

PRG — прогрессив

PROX — проксимальный (ближний) дейктик

PTCL — дискурсивная частица

PV — глагол общего действия

Q — общий вопрос

QUOT — маркер цитации

REP — репортатив

RES — результатив

RPC — реальная смена полярности

SIM — конвект одновременного действия

S, SG — единственное число

TOP — топиализатор

& — сочинительный союз

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горбунова 2016 — Горбунова И. М. Пространственный дейксис и грамматикализация в атайальском языке. *Вопросы языкознания*, 2016, 4: 56–85. [Gorbunova I. M. Spatial deixis and grammaticalization in Atayal. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 4: 56–85.]
- Горбунова 2017 — Горбунова И. М. *Грамматическая семантика атайальского глагола в типологической перспективе*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2017 [Gorbunova I. M. *Grammaticheskaya semantika atayal'skogo glagola v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics of Atayal verb in typological perspective]. Ph.D. diss. Moscow: Institute for Linguistics, RAS, 2017.]
- Добрушина 2012 — Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей *бы*. *Русский язык в научном освещении*, 2012, 2(24), 42–64. [Dobrushina N. R. Infinitive constructions with the particle *by*. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, 2(24): 42–64.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Подлесская 2018 — Подлесская В. И. «Чужая» речь в свете корпусных данных. *Вопросы языкознания*, 2018, 4: 47–73. [Podlesskaya V. I. Reported speech through the lens of corpus data. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 4: 47–73.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald 2006 — Aikhenvald A. Yu. Evidentiality in grammar. *Encyclopedia of languages and linguistics*. Brown K. (ed.). Oxford: Elsevier, 2006, 320–325.
- Aikhenvald 2008 — Aikhenvald A. Yu. Semi-direct speech: Manambu and beyond. *Language Sciences*, 2008, 20: 383–422.
- Chappell 2008 — Chappell H. Variation in the grammaticalization of complementizers from verba dicendi in Sinitic languages. *Linguistic Typology*, 2008, 12(1): 45–98.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its functions. *Finiteness*. Nikolaeva I., Plank F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 366–431.
- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Heine, Kuteva 2004 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Huang 2008 — Huang L. M. Grammaticalization in Squliq Atayal. *Concentric: Studies in Linguistics*, 2008, 34.2: 1–45.
- Huang 2015 — Huang L. M. *A cross-dialectal study of grammaticalization in Atayal*. A paper presented at the 13th International Conf. on Austronesian Linguistics, 2015. Taipei: Academia Sinica (Handout).
- Rau 1992 — Rau V. D.-H. *A grammar of Atayal*. Taipei: The Crane Publishing, 1992.
- Saxena 1988 — Saxena A. On syntactic convergence: The case of the verb 'say' in Tibeto-Burman. *Proc. of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Axmaker Sh., Jaisser A., Singmaster H. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1988, 375–388.
- Tsukida 2013 — Tsukida N. Seediq. *The Austronesian languages of Asia and Madagascar*. Adelaar A., Himmelmann N. (eds.). London: Routledge, 2013, 291–325.
- Tsukida 2015 — Tsukida N. *Complementation strategies in Seediq*. A paper presented at the 13th International Conf. on Austronesian Linguistics, 2015, Academia Sinica. URL: http://ical13.ling.sinica.edu.tw/Program/13-ICAL_All_abstracts.pdf.
- Tsukida 2016 — Tsukida N. *Speech report construction in Seediq*. Paper presented at the 3rd International Workshop on Information Structure of Austronesian Languages, 2016. URL: https://lingdy.aa-ken.jp/wp-content/uploads/2017/05/160218-intl-ws-abstract-13-naomi_tsukida.pdf.